

Роза
Сергазиева

ЧУЖОЕ
ПИСЬМО

Роза Сергазиева

**Чужое письмо.
Серия «Аквамарин»**

«Издательские решения»

Сергазиева Р.

Чужое письмо. Серия «Аквамарин» / Р. Сергазиева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835481-6

Старая подмосковная дача... Стол, сохранившийся от бывших хозяев...
Конверт под истершейся клеенкой... Прощальное письмо, адресованное
маленькой девочке, но так и не отправленное. Его можно выбросить (чужая
судьба — чужие слезы) и жить дальше. А можно попытаться найти адресата и
вручить запоздавшее на четверть века послание. Как поступить?

ISBN 978-5-44-835481-6

© Сергазиева Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чужое письмо

Серия «Аквамарин»

Роза Сергазиева

© Роза Сергазиева, 2020

ISBN 978-5-4483-5481-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

МАШИНА доехала до невысоких деревянных ворот и остановилась. Лиза заглушила двигатель и с удовлетворенной улыбкой посмотрела вверх, на сияющую на солнце железную крышу. Она сделала это! Сделала! Дачный домик, выглядывающий из-за забора – теперь ее, собственный.

Лиза подошла к калитке, достала из сумки связку ключей и стала их перебирать. Так, может быть, маленький, желтенький? Но, увы, ключ легко провалился в скважине, и замок не поддался. Значит, нужно попробовать другим, на длинной ножке.

«Не волнуйся, моя девочка, мама сейчас разберется», – сказала Лиза и махнула рукой в сторону «Пежо». Если бы рядом сейчас кто-нибудь стоял и услышал брошенную женщиной фразу, то подумал, что в машине скучает ребенок. Но никаких детей в автомобиле нет, Лиза приехала одна.

Что-то случилось с жителями мегаполисов. Вы, наверняка, не раз ловили себя на том, что разговариваете, например, с... компьютером: «Миленький, ну, грузись скорее, что ты за тугодум», или «Железка проклятая: опять завис!». Злитесь на телевизор: «Ну, зачем так долго рекламу показываешь?» А водители пытаются «наладить дружеские отношения» со своими «железными конями». Причем женский и мужской подход в этом вопросе разный. Дамы видят в автомобилях детей и покупают в салон плюшевых игрушек, вешают смешные фигурки с запахом ванили или корицы, по своей, неведомой окружающим логике, тщательно выбирают цвет кузова. Сильный пол предпочитает машины украшать как женщин (бессловесных и в любом случае благодарных, в природе не существующих): оборачивает руль кожей, остальные выступающие части – полированным деревом. И обе половины человечества непременно ведут с механизмом эмоциональные разговоры. Ругают, колотя кулаками по рулю, если двигатель не заводится с первого раза, хвалят, если из сложной дорожной проблемы удалось выбраться без последствий. Странная, удивительная ситуация. В большом городе – толпы народу вокруг, а нам не хватает обычного человеческого общения? Или мы теперь так много проводим времени с техникой, а не с друзьями, что вынуждены искать с ней контакт? И нам проще решить какую-то задачу, если увидим в том же компьютере живого собеседника?

Но общение с машиной для Лизы – скорее компенсация за одиночество. Этой милой и симпатичной женщине уже 35, но с мужчинами у нее отношения почему-то не складываются. Нет, периодически представители сильного пола появляются на горизонте, дарят цветы, водят в кафе и на концерты классической музыки, потом приглашают к себе домой «на вечерний кофе» (интеллигентный намек на интим). Но никто в загс так и не звал и через пару месяцев исчезал там же, откуда появился – за горизонтом.

Полгода назад она отвела себя в ресторан на собственный день рождения и, серьезно обдумав сложившееся положение, решила к следующему подобному дню кардинально поменяться. Хватит, нечего ждать принцев, на всех все равно не хватит, видимо, под списком кто-то давно подвел черту, и Лиза оказалась за ее границами. Проживу сама, мама вон одна ее воспитала и никогда не жаловалась на отсутствие в доме мужской руки. Лиза достала из сумочки блокнот и выписала в столбик пункты ИППС – Индивидуальной Программы Переустройства себя.

В одном глянцево-м журнале, которые любят учить читательниц каким образом не комплексовать по поводу отсутствия мужчин, она недавно вычитала: если вас достала рутина, и вы впали в депрессию – значит, настал кризис среднего возраста, и нужно срочно сломать привычный образ жизни. Перечень советов удивлял краткостью. Всего четыре позиции на выбор: найдите другого мужа, переезжайте в другой город, перейдите на новое место работы или на худой конец измените внешность. Пункт первый пришлось тут же вычеркнуть: как можно поменять

то, чего не имеешь. Пункт второй тоже подвергся экзекуции: махнуть в другой город – страшно, она родилась в Москве, любит столицу, зачем же отсюда уезжать? А вот два оставшихся пункта вполне выполнимы, особенно последний. Прямо на следующий день Лиза зарулила в парикмахерскую и попросила перекрасить роскошные и редкие для москвичек огненно рыжие волосы в темно-каштановый цвет.

Предпоследний пункт программы она тоже взялась реализовать, но на это требовалось время. Чтобы найти новую работу, необходимо... купить домик за городом. А такую задачу быстро не решишь. Споры с риэлторами, бесконечные поездки в выходные по Подмосквовью – и усилия увенчались успехом. Сегодня – 20 июня, через полгода, как Стражникова дала себе слово поменять жизнь, она может торжественно объявить: все, что наметила, выполнила. Теперь у нее есть свой, утопающий в яблоневом саду маленький домик, всего в 30 км от Москвы. А значит, и – новая работа!

Только как открыть неподдающийся замок? Девушка-риэлтор ведь показывала, какой ключ от которой двери, но Лиза не запомнила. Однако связка в любом случае не бесконечна, и калитка через пару минут, конечно, открылась. Дальше свежеиспеченная хозяйка отодвинула задвижку на воротах, распахнула половинки и припарковала машину на выложенной тротуарной плиткой площадке.

Дачный домик начинался со светлой, застекленной террасы. Лиза распахнула сразу все окна, и в комнаты ворвался легкий летний ветер, поднимая с пола дорожки пыли и засохшие осенние листья. Предыдущие жильцы, чувствовалось, были людьми аккуратными, честно подготовили собственность к продаже. Лиза посмотрела много домов, прежде чем выбрала этот. Во многих хозяева не утруждали себя уборкой и оставляли в комнатах старые кровати и диваны, поломанные холодильники и даже работающие телевизоры. А здесь, мало того, что вокруг находился чудный фруктовый сад, так и дом был абсолютно пустым, словно ждал приезда новой владелицы. Лишь по какой-то нелепой случайности в середине кухни остался один колченогий стол и такая же кривая табуретка рядом. Стол покрывала скатерть из зеленых и белых квадратов. Клеенка состарилась, потрескалась, и ее верхний слой местами превратился в песок.

В квартире у Лизы на кухне когда-то стол «украшала» точно такая же скатерть. И мама складывала под клеенку оплаченные квитанции за квартиру и журнальные картинки с рецептами пирогов. Они пекли их вместе, не отказывая в угощении и соседям, которые сбегались на ароматный запах. Скорее вспоминая свое детство, Лиза протянула руку и с одного края приподняла скатерть – нет, никаких забытых счетов или вырезок с кулинарными советами. Зато обнаружили пожелтевшие газеты: «Правда», «Вечерняя Москва» – черно-белые, с мутными фотографиями передовиков производства. Какой же старый этот дом!.. Этот стол, эти газеты...

Вдруг Лиза обратила внимание, что из-под одной из порвавшихся газет проглядывает белый уголок. Она отвернула бумагу, вытащила конверт. Он тоже оказался эхом давней жизни: с синими полосками по бокам, со словом «АВИА» рядом с маркой. Раньше конверты продавали двух видов – для простых писем, их доставляли железой дорогой, и для «скорых» – авиа, их возили самолетами и стоили такие на 2 копейки дороже – целых 7.

Лиза повертела конверт. Чистый, никто не заполнил на нем строчки «Куда», «Кому» и «Адрес отправителя», однако внутри что-то лежало. Стражникова перевернула конверт, он оказался не заклеен. Значит, то, что находится внутри, не является чьим-то секретом. Она подцепила пальцем край, чтобы достать листок, но...

– Хозя-я-йка, эй! – раздался громоподобный бас с улицы.

Лиза положила конверт на место – под старую газету – и выглянула в окно. В проеме приоткрытой калитки торчала мужская голова. Гость еще раз побарабанил по хлипким дощечкам.

– Да, да, уже иду, – откликнулась Лиза.

– Я – Владимир Владимирович, прораб, – галантно расшаркался мужчина. – Мы по телефону договорились.

– Конечно, конечно, проходите, – распахнула калитку Стражникова. – Я вас жду.

Чтобы воплотить в жизнь свою мечту, Лизе потребуется начать небольшое строительство. Сама она ни строгать, ни пилить не умеет, и никогда не пробовала, поэтому придется нанимать рабочих. Но где их взять? Ее единственная подруга – еще со студенческих времен – Ася Сырникова (между прочим уже трижды замужем, везет же некоторым) как всегда дала дельный совет: нечего самой гастарбайтеров искать. Нарвешься на какого-нибудь бандита, или так все построят, что потом рухнет. Лучше нанять прораба, профессионала, и пусть он разбирается с рабочими, следит, чтобы те сильно не пили и честно трудились. И, как всегда, у деловой Сырниковой в толстой записной книжке значился один очень хороший мужик, он построил коттедж знакомым знакомых, а Асе в квартире организовывал ремонт. Мужик не обманет, все чеки на стройматериалы предъявит.

– Ну, показывай владения, – сказал прораб, доставая из кармана рулетку.

Мужик медленно обошел дом, постучал по бревнам, отколупнул кусочек краски с оконной рамы и все время недовольно качал головой, приговаривая: «Ой-е-ей!».

– Неужели так плохо? – решила, наконец, спросить профессионала Лиза. – А риэлторша уверяла, что дом крепкий, простоит еще 20 лет.

Владимир Владимирович молча посмотрел на Лизу и продолжил обстук. Затем вошел в гостиную, равнодушно отодрал половицу. Деревяшка так жалобно заскрипела, что Лиза вздрогнула

Наконец, прораб пододвинул к себе кривоногий табурет, положил на стол рулетку.

– Тэкс, – изрек он первое слово за последние полчаса. – Дело – труба.

– Труба? – не поняла Лиза. – Риэлторша говорила, что старые хозяева трубы незадолго до продажи поменяли. Поэтому они в хорошем состоянии.

– Труба не трубам, а дому, – вынес приговор прораб. – Полы прогнили, бревна каркаса расперло, крыша течет.

– Но вы на крышу даже не лазили, – возмутилась Лиза.

– Чтобы понять, что крыша течет, достаточно на стены посмотреть, – объяснил как несмышленной первокласснице прораб. – Поэтому выход один – старую халупу снести, а на ее месте я вам за год-полтора построю приличный, кирпичный дом, с эркером, внутри хай-тек и паркет, джакузи и подвесные потолки. Словом дворец, чтобы жить и радоваться.

– Вообще-то, я домом пока не планировала заниматься, – перечеркнула дорогостоящие планы гостя Лиза. – Он меня и такой устраивает, разве что легкий косметический ремонт сделать.

– А зачем же тогда меня вызывали? – охнул прораб. – Я косметикой не занимаюсь, не тот масштаб. Вы же говорили, что строителей ищите.

– Я и ищу, только для другого объекта, – объяснила Лиза. – Он – в саду.

– А, так бы и сказали сразу, – встрепенулся прораб – Хотите гостевой флигель построить? Тоже не мой объем, но возьмусь в качестве исключения. Показывайте.

Лиза повела гостя по дорожке через яблоневый сад к неказистому сараю.

– Нормально, – кивнул головой Владимир Владимирович. – Быстренько снесем, зальем ленточный фундамент, соберем из блоков два этажа. С эркером, внутри хай-тек, паркет, джакузи, подвесные потолки. Будете жить и радоваться, меня благодарить.

– Нет, какой паркет, какой хай-тек? – ужаснулась Стражникова. – Мне нужно лишь переоборудовать сарай в оранжерею.

– Оранжерея – эт-то что? – заморгал глазами прораб, – коттедж из стекла?

– При чем здесь коттедж, – пыталась объяснить Лиза. – Обычный домик, только крыша стеклянная.

– И все? – уставился на заказчицу прораб.

– И все, – подтвердила хозяйка.

– Ездить сюда из Москвы, чтобы в малюсенькую крышечку форточки врезать? Женщина, – нахмурил брови Владимир Владимирович, – вы хоть знаете, зачем нужны строители?

– Но кто-то же должен мне помочь сделать оранжерею, – чуть не заплакала любительница растений.

– Пусть кто-нибудь другой копает грядки, а я – коренной москвич Наливайко, мелочью гастарбайтеровской не занимаюсь. Мне нужен размах, объем, крупный, солидный клиент. А для своей ерунды вы любого таджика-молдованина наймите. Он вам в момент стеклом крышу покроет.

И рассерженный Владимир Владимирович зашагал к калитке.

Ну, вот, был бы у нее муж, – вздохнула Лиза, – разобрался бы со слишком гордым прорабом. А теперь самой придется искать работяг. И где, скажите на милость, их взять, опять Сырниковой звонить?

Лиза вернулась в дом. Ей хотелось оценить перечень предстоящих работ внутри. Нужно покрасить окна белой краской, старая облупилась; подправить дверь в столовой, а то нынешняя грустно скрипит; обмести стены и потолки. Потом купить и привезти необходимую мебель и технику: шкафы, газовую плиту и холодильник для кухни, и какой-нибудь диван, чтобы спать. И пока достаточно. Главное – поскорее построить оранжерею, иначе еще один пункт ее ИППС так и останется не выполненным.

А пока Лиза достала из машины тряпки, ведро и швабру. Вымыла окна и полы. Дом как-то сразу преобразился: прозрачные стекла заиграли на свету, полы запахли мокрым, свежим деревом и новой жизнью.

Собравшись возвращаться в Москву, она опять перебирала связку ключей, чтобы запереть дверь. Но потом вспомнила о чем-то и вернулась на кухню. Отвернула старую газету и взяла конверт с синими полосками по краям. Говорят, неприлично читать чужие письма. Но, во-первых, конверт пролежал на столе много-много лет и раз его не забрали предыдущие хозяйки, значит, он им и не нужен. А во-вторых, кто сказал, что в конверте находится именно письмо? Может быть, квитанция за телефонный разговор или детский рисунок с домиком и трубой, из которой валит дым колечками, она сама любила такой рисовать, когда была маленькой. И вообще, теперь все вокруг принадлежит ей. А значит, у этих стен от Лизы не может быть никаких тайн.

Она открыла конверт и развернула сложенный листок. По странице, вырванной из школьной тетрадки в клетку, побежали строчки: «Дорогая моя доченька, мое Солнышко, мой Лисёнок, моя Лисонька, я так виновата перед тобой. Даже не знаю, как просить у тебя прощения. Слушайся тетю Любу, она тебе все объяснит, когда вырастишь. Прости, что так все случилось. Я безумно любила твоего папу, но он отверг меня. Я искала свое счастье, но оно все время проходило мимо. И только теперь догадалась, что счастье мое было все время рядом – это ты, моя маленькая красавица. Мы могли быть вместе и радоваться, что есть друг у друга. Но я поняла это слишком поздно. Не знаю, что случится со мной дальше, жить не хочу и не могу. Прости меня, родная моя девочка. Прости меня, глупую, иначе не будет мне на том свете покоя. Твоя мама Ольгушка».

Глава 2

НЕРОВНЫЕ строчки вдруг расплылись и перестали складываться в слова: Лиза поняла, что плачет. Мало того, заколотилось сердце. Почему: это же ЧУЖОЕ письмо! ЧУЖАЯ боль! По какому праву она сотней маленьких молоточков застучала в висках? Хорошо, что рядом со столом бывшие хозяева забыли табурет: есть куда присесть и перевести дух.

Лиза поежилась: она вдруг представила, как незнакомая умирающая женщина, собрав последние силы, выводит буквы на листке, в надежде, что когда-нибудь их прочтает дочь. Что сломало судьбу несчастной, что пришлось ей пережить? А девочка? Как сложилась ее биография? Ведь какими райскими цветами не была бы окружена ее кровать, ребенок навсегда лишился материнской ласки.

Лиза зажмурила глаза. Как же ей повезло: рядом с ней всегда находилась мама Алена.

Самое первое яркое воспоминание: они въезжают в новую квартиру. Ту самую, в которой Лиза живет и сейчас. Только сегодня это жилище кажется крошечным, а тогда представлялось огромным сказочным дворцом. Потому что только во дворцах, думала маленькая девочка, бывают окна вместо стен. Справа в стеклянной поверхности обнаружилась такая же стеклянная дверь. Лиза осторожно, на цыпочках вышла на балкон, так же осторожно глянула вниз. Нет, страшно. Малышка решила, что лучше смотреть вверх – там все время что-то происходило. Если не сыпались теплые капли дождя или не падали похожие на вязаные ажурные салфетки снежинки, то обязательно сияло яркое солнце или радостно кричали пролетающие мимо по своим делам воробы и вороны.

Следующее чудо, обнаруженное в квартире – ванная. В ней можно мыться, когда захочешь, без оглядки на соседей. Да и соседей в их квартире не оказалось: они с мамой этой красотой владели одни.

Чтобы разместиться со всеми удобствами, Алена купила два одинаковых дивана, которые Лиза тут же назвала гармошками. На ночь гармошки разворачивались в кровати, а утром снова складывались в диваны. Следующей крупной покупкой стали два письменных стола. Один для Лизы: она готовилась идти в первый класс, начиналась серьезная жизнь не просто девочки, а ученицы. Второй Алене: чтобы иметь возможность работать после работы. Вечерами и по выходным у ее стола сидели школьники: мама занималась репетиторством, объясняя неучам, как отличить подлежащее от сказуемого.

Еще одним новым предметом мебели стала стенка «Ольховка», состоящая из шкафа для одежды и книжных полок. И все! Больше в комнату ничего не влезло.

Закончив осмотр квартиры, маленькая Лиза приняла важное решение: чтобы придать дворцу соответствующий торжественный вид, его нужно обязательно украсить. Вот только чем? Сначала девочка склеила длинные цепочки из цветной бумаги и развесила их по стенам. Но красоты не получилось: гирлянды вышли кособокими, от собственной тяжести рвались, свисая уродливыми соплями. И тогда Лиза вспомнила, что мама незадолго до переезда подарила ей похожий на зеленого ежика кактус в маленькой коробочке. Идея найдена!

Алене тоже пришлось присоединиться к воплощению дочкиного плана в жизнь. Потому что на первоначальном этапе потребовалось съездить в магазин и купить комнатные цветы. А дальше Лиза уже все делала сама: пересаживала подросшие колючие шарики в красивые кашпо, отделяла «малышей» от «взрослых». И скоро весь длинный и широкий подоконник превратился в мини-сад. Лиза не только распределяла зеленые хвостики по горшкам: она составляла композиции, украшала их камушками и стеклянными бусами, с помощью проволоки и палочек заставляла растения приобретать определенную форму. Из разных видов какту-

сов в жестяной коробке из-под чешских вафель изобразила пустынный пейзаж, засыпав сверху почву песком и «спрятав» между иголками слепленных из пластилина змей.

Но больше всего Лиза ждала лето! Как только начинались самые длинные в году каникулы, они вдвоем с мамой отправлялись на какую-нибудь турбазу. (Что интересно, Лиза никогда не спрашивала Алену, почему в их семье нет папы. Девочка мудро рассудила: если мама ничего не рассказывает сама, значит, и не надо ее заставлять обсуждать неприятную тему). Они уезжали на Валдай или в Карелию, на Байкал или в Крым. И там, закинув за плечи рюкзаки, ходили целым днями по лесу или взбирались на гору. Из каждой поездки Лиза возвращалась с веточками, обернутыми в мокрую ватку, или корешками, аккуратно выкопанными из земли. Потом украшала свою оранжерею новыми жильцами. Однажды в коробке из-под молока привезла росток сосны. Но как ни ухаживала за малышом, дерево захирело: оно привыкло к свободе и не признавало тепличные условия.

Понятно, что через некоторое время подоконника в квартире стало катастрофически не хватать. Сначала не поместившиеся горшки переехали на кухню, кого-то удалось пристроить в ванной, кого-то в коридоре, кому-то определили место на балконе. Но это не спасло положения: цветы требовали пространства. И тогда Лиза попробовала сделать что-то вроде маленькой клумбы во дворе, только из комнатных цветов. Девочка разрыхлила землю, оградила небольшую площадку деревянными столбиками и вкопала принесенные из дома горшки с растениями. Получилось замечательно. Но, увы, утром все зеленые хвостики буквально вопили от боли: их переломали вышедшие на прогулку дворовые псы.

И мечту о настоящей оранжерее пришлось отложить на неопределенное время.

– Вот вырасту большой, – пообещала себе Лиза, – и тогда смогу завести цветов столько, сколько захочу.

Большой она выросла очень скоро. Школа прозвенела последним звонком, пришло время поступать в институт. Хотя ни мама, ни сама Лиза в выборе не сомневались: девочка сдала документы на биофак МГУ.

Ну а дальше время вообще выскочило из своих реальных рамок. Страна рассыпалась, каждый новый день обрушивал на головы граждан неведомые раньше проблемы, начались гонки на выживание. Кто смог маневрировать в постоянно меняющихся обстоятельствах – прорывался вперед, кто не успевал, спотыкался – отставал навсегда и сходил с дистанции. Мама ушла из учительниц, там платили мало, и занялась исключительно репетиторством. Хорошо, что неучи даже во времена исторических переломов не переводятся.

Лиза как раз заканчивала университет. И обсуждала с однокурсницей, а по совместительству лучшей подругой Асей Сырниковой что делать дальше.

– Если пойдем работать в школу, потеряемся и закончим жизнь старыми девами, – трещала Ася. – Сейчас столько возможностей! Например, можно банк запросто создать. Деньги идут к деньгам.

– Но мы ничего не понимаем в финансах, – пыталась остудить пыл подруги Лиза.

– Тогда ресторан, они сейчас на каждом углу открываются, люди всегда есть хотят, значит, будут платить.

– Ася, мы ничего не смыслим в ресторанном бизнесе.

– Хорошо, – согласилась однокурсница. – Тогда сама скажи: в чем мы хорошо разбираемся?

– В биологии, в ботанике, – пожала плечами Лиза. – Но из них никакой прибыли не выжмешь.

– Но ведь цветочки – это тоже деньги! – вдруг по детски захлопала в ладоши Ася.

– Мы будем торговать гвоздиками у метро? – испугалась Лиза.

– Ха, размечталась. Там все места уже заняты, – с сожалением посмотрела Сырникова на обладательницу красного диплома, ни сколечки не разбирающуюся в реалиях сегодняшнего

рынка.– Но ведь букеты не только девушкам на свидании дарят. Цветами нынче принято украшать кабинеты начальников. Причем, нетрадиционно – теперь это не беспорядочные венки в вазах, которые покупает секретарша по дороге на работу, а часть интерьера. Цветы – изысканно подобранные и миниатюрные – ставят в центре стола так, чтобы они создавали настроение, но не мешали видеть клиента.

Ася набросала текст объявления и отнесла в газету.

Так появилась фирма по изготовлению офисных букетов «Лася» (девушки не долго ломали голову над названием, сложили его из собственных имен). Вот когда Лизе пригодился опыт, приобретенный в оранжерее на подоконнике. Собирая небольшие композиции, девушка украшала их стеклянными шариками, брошками-бабочками, маленькими ленточками. И делал это так тонко, что сопутствующие детали ни в коем случае не отвлекали внимание от самих цветов, не нарушали их достоинства и красоту.

Первое время в «Ласе» работали только сами основательницы фирмы. Ася, подрезая стебли цветов, одновременно отвечала на телефонные звонки, принимала заявки, выслушивала претензии, заказывала в подмосковных оранжереях нужные растения. Лиза приходила в их маленький офис в подвале в 6 утра, чтобы успеть собрать свежие букеты и развезти их по городу к началу рабочего дня. Ася занималась бухгалтерией, Лиза сочиняла по вечерам новые композиции. Через пару месяцев девушки смогли купить «Жигуленок», и Лиза теперь доставляла продукцию в большее количество фирм, находящихся порой в разных концах Москвы.

И уже через год Стражникова купила маме путевку в Турцию, на море.

– Я ведь никогда не была за границей, – Алена удивленно посмотрела на дочь.

– Теперь станешь ездить каждое лето и можешь больше не мучиться с неучами. Я заработаю на нас двоих.

Где-то, в великом хранилище судеб, лежат свитки с расписанным по минутам временем бытия каждого человека, который имел счастье прийти в этот мир. И в определенный момент стрелки чьих-то часов прекращают свой бег. И никому из смертных не дано им помешать.

Алена приехала из Турции помолодевшая и посвежевшая, но какая-то растерянная. Там, в шикарном четырех звездном отеле за день до возвращения она неожиданно упала в обморок. «Может, на солнце много времени провела, или перекупалась», – гадала Алена всю дорогу обратно. Лиза уговорила маму показаться врачу...

Алена «сгорела» за несколько месяцев. Вернувшись с похорон в их маленькую квартирку одна, Лиза в истерике каталась по полу, и ругала себя: ну зачем, зачем она купила путевку в Турцию? Наверняка, жара «разбудила» болезнь, ускорила ее течение. И если бы не поездка, мама могла прожить дольше. Но ее часы остановились именно сейчас.

Лиза нашла лекарство от образовавшейся в душе пустоты в работе. И если Ася тратила свободное время на то, чтобы три раза выйти замуж и дважды развестись, то Лиза от возможности отдохнуть отказалась вообще. Из подвала фирма переехала в шикарный офис в центре города, количество постоянных и состоятельных клиентов перевалило за несколько сотен. Кроме того, именно «Ласю» приглашали оформлять залы для международных конгрессов или представлять нашу страну на зарубежных конкурсах цветочных декораторов. В штате компании и в ее представительствах в других городах работали уже десятки человек: дизайнеры, курьеры, художники, маркетологи.

Но полгода назад Лиза, наконец, решила остановиться и измениться. Сначала договорилась с Асей, и та, предприняв безуспешную попытку уговорить подругу отказаться от безумной идеи, все же выкупила вторую половину их совместного бизнеса. На часть этих денег Лиза приобрела маленький домик в яблонево́м саду. Теперь предстояло воплотить в жизнь мечту

детства – создать свою оранжерею, где она сможет в свободном режиме заниматься селекцией. Ей давно хочется поэкспериментировать с кактусами. Мама могла бы гордиться Лизой.

В кухне стало темнеть. Лиза еще раз повертела конверт в руках. Что делать с найденным письмом? Выбросить? Но... раз оно лежит здесь, забытое, значит, скорее всего, не дошло до адресата. И девочка, которая теперь стала взрослой женщиной, так и не узнала о последнем желании своей матери. Лиза посмотрела в окно, в небе полыхали краски июньского заката. И охнула – яблоневый сад проснулся! И во всю кипел бело-розовыми цветками. Еще утром из треснувших почек лишь выглядывали пушистые хвостики, а сейчас деревья задышали новой жизнью и счастьем. Прошедшая зима выдалась долгой и слякотной, такой же нетипично холодной и нудной оказалась весна. Поэтому деревья дотянули с цветением аж до 20 июня. Но тем торжественнее, словно невесты, выглядели стройные яблони.

Нет, письмо надо обязательно доставить адресату. Пусть оно и чужое, но судя по всему, это последняя воля умирающего человека. Ее нельзя оставить не выполненной.

Глава 3

«В МОСКВУ, в Москву!... В Москву, в Москву!» – весело стучали колеса вагона. Оля, обладательница четного, соответственно на верхней полке места, повернулась на правый бок и посмотрела на часы. Всего лишь 6 утра. Но сегодня 20 июня, один из самых длинных дней в году, поэтому мир за окном давно проснулся и ликовал. Чего нельзя было сказать о соседях по купе. Старушка и ее пожилая дочка внизу мирно похрапывали, накрыв голову одеялами. Только Олин сосед напротив оставил лицо свободным, по детски подложив ладонь под щеку. Парень сел в поезд вчера вечером и объяснил любопытной старушке, что едет до конца, то есть до Москвы, студент, возвращается домой с практики, зовут Павлом. Очки в тонкой оправе смешно сваливались с его носа, поэтому их приходилось постоянно поправлять. Но сейчас «дополнительные глаза», аккуратно спрятанные в пластмассовый зеленый футляр, «отдыхали» на сетчатой полке у стены, а Оля получила возможность рассмотреть лицо попутчика. Густые черные брови почти сходились у переносицы, но особенно поражали ресницы – длинные, ровные, словно... настоящие. Именно такие, обычно, пририсовывают маленькие дети сказочным принцам и принцессам.

Вдруг парень взмахнул своими «нарисованными» ресницами, открыл глаза и уставился на Олю. Девушка от неожиданности вздрогнула и больно прикусила губу.

– Привет, – прошептал студент. – Как спала?

– Привет, – откликнулась девушка. – Лучше, чем дома.

– Зачем едешь в столицу? – поднял голову над подушкой Павел.

– В институт поступать, – наконец, взяла себя в руки Оля. – Я выбрала...

– Понятно, – прервал ее парень и... повернулся на другой бок, видимо, досматривать прерванный сон.

«Па-анятно, – передразнила Оля москвича. – Оказывается, и правда, они в столице букву „а“ тянут. Выделиться хотят, гордые!». Вздохнула девушка, разочарованная нелепым разговором.

Парень спустился с полки между завтраком и обедом: все обитатели купе уже давно выпили не по одному утреннему стакану сладкого чая и дремали по очередному кругу. Оля с книжкой скучала у столика, обе женщины, боясь сквозняка из окна, устроились головой к двери.

Павел перекинул через плечо вафельное полотенце и отправился умываться. Вернулся со стаканом кипятка в руках и поставил его на столик. Порылся в рюкзаке, достал мятую пачку печенья.

– Я вчера, когда знакомились, назвал свое имя, а ты, кажется, нет? Или я уже забыл? – посмотрел он на единственную не спящую попутчицу, шурша брикетом из двух кусочков сахара.

– Оля, – кивнула девушка.

– Оля, – повторил он, – ты не запомнила, в какой стороне вагон-ресторан? А то на одном печенье до столицы не доедешь.

– Ой, в ресторане так дорого и невкусно! – захлопнула недочитанную книжку Оля. – Давайте, лучше я вас угощу.

И она достала из-под полки авоську, в которой лежали несколько газетных свертков. Через пару минут на маленьком столике, расстелив аккуратно салфетку, девушка разложила традиционный набор железнодорожного пассажира: половину жареной курицы (у которой Оля успела отломить вчера только крылышко), пару сваренных вкрутую коричневых яиц, хлеб, картошку, докторскую колбасу и даже пупырчатый парниковый огурец.

– Не откажусь, – весело сказал Павел и вынул из рюкзака складной нож. – Значит, в ресторанах часто бываешь?

– Вообще ни разу не заглядывала, – Оля даже хотела обидеться.

– А откуда тогда знаешь, – парень с удовольствием обглаживал куриную ножку, – что там дорого и невкусно?

– Так... Папа, когда в прошлом году ездил на курорт... Говорят, – попутчица даже покраснела, понятно, что про ресторан она просто так сморозила и сейчас тщетно пыталась придумать хоть какое-то объяснение. Получалось, что она врунья.

– Да не нервничай ты, – успокоил парень. – Считай, что пошутил, нужно же разговор поддержать. А в целом – громадное тебе спасибо. Можно сказать, спасла человека от голодной смерти.

В это трудно поверить, но они просидели у окна до... следующего утра. Старушка с дочерью вышли в середине дня на узловой станции. Их место ненадолго заняли два мужика, которые большую часть времени курили в тамбуре. Потом появилась девушка, которая плакала о чем-то своем у окна в коридоре. Она тоже покинула вагон после полуночи.

– Какой смысл спать ложиться, – предложил Павел, в который раз поправляя на носу очки, – если Москва на рассвете? Проводник поднимать народ начнет уже часа через три. Правильно?

Оля согласно улыбнулась. Она корила себя за выводы, которые сделала сначала: никогда нельзя судить о человеке по первому впечатлению. Павел – нормальный парень (и о-очень симпатичный!), хоть и москвич, вон как он ее слушал.

Сначала Оля лишь кратко отвечала на конкретные вопросы, но потом расслабилась и утонула в разговоре. Паша оказался обаятельным, веселым человеком, шутил, сыпал анекдотами. Через горнило вступительных экзаменов он сам прошел год назад, учится на историческом факультете. Обожает рыбок. Мечтает сделать для них по собственным чертежам необычной формы аквариум. Поэтому сдал сессию пораньше, чтобы быстрее отбарабанить практику и освободить лето для воплощения мечты. Он и практику подобрал со смыслом: месяц работал в маленькой библиотеке на БАМе, в поселке на самом озере, где собрал великолепную коллекцию гладких цветных камушков для будущей водно-рыбной композиции. Еле дотащил набитый рюкзак до станции.

– Ну, а ты что собралась штурмовать? – наконец, поинтересовался Паша, понимая, что последний час говорит практически один.

Оля выбрала факультет журналистики. Полгода назад по поручению директора школы она написала и отнесла в редакцию городской молодежи заметку про школьное комсомольское собрание. Невозможно описать словами то, что испытала девушка, когда увидела на газетной полосе свою фамилию, напечатанную крупными печатными буквами. «Это – я!» – хотелось крикнуть прохожим, из кармана которых торчала «ее» газета. Оля даже постояла на автобусной остановке лишних полчаса, наблюдая за реакцией людей, которые читали на стенде свежий выпуск молодежи. Потом ей дали задание сделать репортаж со встречи бывших выпускников школы, отправили брать интервью у режиссера городского театра по поводу новой премьеры. Собирая в столицу, в молодежке ей написали хорошую характеристику и приглашали возвращаться к ним, на работу.

– Мне почему-то кажется, – вдруг сказал Павел, – что ты пишешь стихи. Или ошибаюсь?

– Н-нет, ошибаешься – смутилась девушка, опустив глаза. Надо же: какой пронизательный юноша! Про то, что пишет стихи, Оля еще никому не говорила, и ему никогда-никогда не скажет. Пусть это останется ее самой большой тайной.

Поезд, шурша колесами, вплыл на платформу Казанского вокзала. Сонные пассажиры не спеша «вливались» в такую же сонную столицу. Павел, подхватив Олин чемоданчик, довел

ее до стоянки такси. В столь ранний час здесь не было очереди, и девушка через пару минут оказалась на переднем сидении желтой «Волги» с шашечками на боку.

– Я вот что решил, – наклонился Павел к открытому окну. – Давать свой телефон не буду.

– А я и не просила, – гордо ответила провинциалка, хотя, конечно, не так представляла момент расставания. Что уж там говорить, Павел ей очень понравился, и она надеялась, ... что, может быть, ... тоже понравилась Павлу? А вдруг ... Романтическая дурочка! «Вдруг» бывает только в сказке. Лучше вспомни адрес, куда тебе надо ехать и достойно попрощайся с парнем, чтобы голос не дрожал...

– ... и жду ровно через неделю в 18.00, – между тем закончил свою мысль Павел.

– Ждешь? Кого? – переспросила Оля, приготовившись сказать ни к чему не обязывающее «Пока!».

– Тебя, здесь вроде другой девушки нет, – улыбнулся попутчик. – Запомни: Калининский проспект, кинотеатр «Октябрь».

– Но я не знаю, где находится Калининский проспект, – испугалась Оля, понимая, что Павел назначает ей свидание.

– Рядом с Арбатом.

– А где Арбат?

– Где станция метро «Арбатская». Купишь карту, разберешься. Все, до встречи! – Павел повернулся и зашагал обратно в здание вокзала.

Неделя выдалась суетная и бестолковая. Сначала нужно было сдать документы, получить место в общежитии, устроиться в комнате, где помимо нее жили еще три абитуриентки, найти подходящий уголок, где можно готовиться к экзаменам так, чтобы над головой кто-то постоянно не бубнил, не пропустить консультации и собеседование. И добравшись поздно ночью до постели, она успевала подумать о том, что ведь у нее скоро ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ! Но дальше этой мысли в голове ничего не возникало, потому что она – в смысле голова – камнем падала на подушку и проваливалась в сон.

И все же ровно через семь дней Оля прибежала к кинотеатру «Октябрь». Девушка не рассчитала время – откуда она знала, как часто ходят поезда в метро – и поэтому оказалась на Калининском за полчаса до назначенного времени. Чтобы не маячить у всех на виду, зашла в соседнюю с кинотеатром «Булочную», купила теплый, мягкий бублик с маком и, устроившись у стеклянной стены, стала разглядывать прохожих.

Проспект гудел как муравейник. Даже трудно представить, сколько сейчас людей одновременно находятся на улице. Тысяча, десять, сто тысяч? И самое удивительное: люди по проспекту ведь гуляют, а идут быстро-быстро, словно кто в спину подталкивает. Так и в метро москвичи себя ведут, все время куда-то торопятся, бегут по эскалатору, несутся по платформе, стараясь втиснуться в приехавший вагон. И есть в этой сутолоке какое-то негласное братство: потому что для тех, кто не успел заскочить в уходящий поезд, даже любезно дверь рукой придерживают. Вот такую странную привычку москвичей успела заметить Оля.

Но уже шесть. Девушка смахнула маковые крошки с губ и вышла из «Булочной». Лучше постоять у входа в кинотеатр, вдруг Павел ее уже ищет. И вправду за одной из колонн переминалась с ноги на ногу знакомая фигура.

– Увы, столичные реалии таковы, – развел руками Павел, – что билетов в кассе ни на один из сеансов нет. Поэтому поход в кино отменяется. Мы просто погуляем. Традиционным маршрутом приезжих.

И они перешли по подземному переходу на другую сторону проспекта.

Калининский не зря считается самой шикарной улицей Москвы, здесь расположены известные магазины и рестораны, где вперемежку с гостями столицы любит топтаться местная «золотая» молодежь. У магазина «Подарки» Оля с Павлом попали в гомонящую толпу

иностранных туристов, которые демонстрировали друг другу только что приобретенные русские сувениры: красно-черные павло-посадские платки с кистями, деревянные лакированные ложки и бело-голубую Гжель. У торгового дома под названием «Весна» рванувшие в открытые двери люди чуть не затянули внутрь Олю. Но Павел успел схватить подругу за руку и буквально выдернул девушку обратно на тротуар. (И уже до вечера не выпускал ее маленькую ладонь – мол, хоть какая-то гарантия, что Оля больше не потеряется. А может, он специально такую причину придумал, чтобы иметь возможность быть ближе – терялась в догадках девушка, но ей в любом случае это нравилось). Они зашли в гастроном «Новоарбатский», купили мороженое в вафельных стаканчиках по 15 копеек. Слизывая белые кремовые розочки с макушки, Оля заглянула сквозь огромные окна в салон-парикмахерскую «Чародейка». Сразу за несколькими столиками сидели женщины, им делали маникюр. Девушка недовольно посмотрела на свои пальцы, к которым ни разу не прикасались руки мастеров. И тут же успокоилась: вот сдам экзамены, поступлю, серьезно займусь собой.

Но вступительные экзамены и любовь (а Оля была уверена: то, что происходит между ней и Павлом, и называется любовью, даже если они об этом ни разу не говорили) – вещи несовместимые. Ну, как скажите штудировать пару сотен вопросов, если Павел назначал встречу каждый вечер, а девушка не могла (да и, честно говоря, не хотела) отказываться. Они гуляли по Ленинским горам, катались на парходике по Москве-реке, сидели на скамейке у фонтанов на ВДНХ, загорали на полянке в парке «Сокольники». Лето в Москве, как объяснил Паша, самое короткое время года, поэтому москвичи торопятся насладиться его теплом так, чтобы хватило «запасенных витаминов» на предстоящую зиму. Поэтому он целыми днями водил Олю по городу, забыв, кстати, что хотел потратить собственные каникулы со смыслом, на рыбок. Вечером они отправлялись в театр, в любой, куда смогли достать билеты. Сидели где-нибудь наверху, под самым потолком и Оля, не особо следя за сюжетом пьесы, предпочитала с любопытством наблюдать за зрителями в партере. Она научилась безошибочно находить среди них москвичек, которые приходили на спектакль «во всеоружии». Во-первых, они никогда не брали напрокат бинокли, а приносили свои, на палочке, в красивых футлярах. Во-вторых, женщины передевали в гардеробе обувь и заходили в зал в лакированных выходных туфельках. А в-третьих, в середине действия обязательно доставали какую-нибудь карамельку из сумки и угощали друг друга.

Почти уже ночью Павел провожал подругу до общежития и целовал на прощание. Сначала робко в щеку, потом также робко в губы, затем все крепче и жарче, не выпуская девушку из своих объятий.

Это в общепhilosophическом смысле время бесконечно, а для каждого человека оно всегда конкретно и конечно. Оля легко прошла творческий конкурс, как и собеседование. Но экзамены сдавала с трудом, а на последнем – это была «История СССР» – и вовсе получила тройку. Стало понятно, что нужного количества баллов для поступления она не наберет.

Они встретились вечером в парке им. Горького.

– Вот и все, – в который за сегодняшней день раз повторила Оля, уткнувшись носом в плечо Павла.

– И что будешь делать дальше?

– Поеду домой. Попробую на следующий год.

– У меня другое предложение, – обнял подругу Павел. – Переезжай-ка ко мне.

– А как же родители? – подняла глаза Оля.

– Я тебе не говорил еще? Мама с папой уехали работать за границу, вернуться через полгода, не раньше. В квартире на данный момент я – единственный жилец. Тебе места в гостиной вполне хватит.

– Даже не знаю, как тебя благодарить, – обрадовалась Оля, ей ведь так не хотелось уезжать домой, от Павла, из Москвы, которую уже успела полюбить. – Но ты не думай, – тут же решила девушка расставить точки над «и». – На твоей шее сидеть не буду. Пойду работать и поступлю на вечернее отделение.

– И сделаешь это прямо сейчас, – настойчиво поцеловал девушку Павел. – Нет, не в том смысле, что прямо сейчас пойдешь искать работу, – ответил он на удивленный взгляд Оли, – а в том, что переедешь ко мне сегодня же. И, наконец, увидишь моих рыбок. Они тебе обязательно понравятся. Потому что такие же красивые.

– Как кто? – засияли глаза у Оли.

– Как ты! – крикнул Павел и снова ее поцеловал.

Глава 4

ЛИЗА достала свой электронный справочник и, полистав страницы, нашла телефон риэлтора Натальи, с помощью которой ездила по Подмоскovie выбирать домик в яблоневом саду.

– Я обнаружила на даче, – как доходчиво объяснить человеку цель своего звонка? – предмет, который принадлежит, скорее всего, ... старым владельцам.

– Выбросите и даже не забивайте ерундой голову, – легко распорядилась судьбой «чужого письма» торговец недвижимостью. – Предыдущий хозяин подписал все бумаги, никаких претензий у него не возникнет. Дом продан нашей фирме, а потом вам.

– Речь идет о чем-то... очень важном, – Лиза с трудом подбирала слова. – Видимо, люди забыли, когда забирали вещи.

– Мебель, книги, посуда – что бы там не осталось, смело несите на помойку! – бодро посоветовала Наталья.

– Так нельзя, вы даже не имеете представления, какой ценности эта вещь, – настаивала Лиза.

– Валюта, драгоценности? – встрепенулась риэлторша и зашептала в трубку: – Неужели вы обнаружили тайник? Тогда вообще не понимаю, зачем искать хозяев? Честность, конечно, хорошее качество, но в наше время из моды вышло.

– Ценными бывают не только бумажки с водяными знаками и ювелирные изделия, – обиделась Лиза. – В жизни случается кое-что поважнее. Жаль, что вам в детстве этого не объяснили.

– Не пойму, что вас разозлило. Уже и детство мое не нравится. Говорите лучше напрямую, что задумали, – потребовала Наталья.

– Дайте мне координаты предыдущих хозяев. Я свяжусь с ними, объясню, что нашла. Захотят – заберут.

– Не имею права, – резко ответила продавец недвижимости. – В нашей фирме строгие правила: данные о клиентах не подлежат разглашению. Например, ваш телефон я ведь тоже никому не сообщу, какие бы чудики его не требовали и какие сказки про клады не рассказывали.

– Глупая отговорка, – вздохнула Лиза, делая вид, что не поняла намека. – Я могу полистать свою папку с документами на участок, в них указаны паспортные данные человека, на кого дача была оформлена раньше. Там и адрес московского места жительства есть. По нему найду телефон владельца. Единственная проблема: придется потратить определенное время. Поэтому и рассчитывала на вашу помощь, Наташа. Мне ведь нужен лишь номер телефона. И поймите, – Лиза начинала злиться уже на себя: ну, с какой стати она должна уговаривать помочь бездушную коммерсантку, дисциплинированно выполняющую написанную начальником инструкцию. И зачем вообще ввязалась в эту историю, что, у нее своих проблем мало? Но вместо того, чтобы положить трубку и обо всем забыть, Лиза вдруг... закричала: – Кто-то забыл на столе под газетой письмо! Трагическое. Его нужно обязательно отдать адресату. Можете вы поверить, что здесь нет никакого расчета или любопытства? Вы же человек, а не машина!

– Сейчас поищу, – неожиданно смягчилась Наталья и зашуршала бумажками. – Почему спокойно не объяснить, чего голос-то повышать?... Записывайте, – и она продиктовала номер телефона. – Кстати, хозяина зовут Илья Каменев. Это чтобы вы не тратили время и не искали в папке.

Лиза взяла со стола аппарат и поставила его рядом с собой на диван. Разговор предстоит сложный: вряд ли незнакомому человеку понравится, что она, хоть и невольно, засунула нос в его жизнь.

– Алло, – трубку сняла женщина.

Лиза вздрогнула, может быть, именно ей адресовано письмо?

– Извините за звонок, – начала Лиза издалека. – Я попала к Каменевым?

– Кто конкретно вам нужен? – почему-то в голосе собеседницы появилась напряженность.

– Понимаете, я купила вашу бывшую дачу. Так вот на столе в кухне...

– Чего темните и выдумываете нелепые причины? – грубо прервала Лизу женщина. – Вам нужен Илья? Вы его очередная любовница?

Лиза от неожиданности выронила трубку из рук, и та с грохотом стукнулась о паркет.

– Ну, чего замолчали? – буквально завизжала женщина. – Он здесь больше не живет. Поэтому забудьте номер.

Из трубки понеслись как «точки» азбуки Морзе короткие гудки. Лиза решила исправить ситуацию и упрямо сменила «точки» снова на «тире», набрав те же семь цифр.

– Не бросайте трубку, – протараторила она, попытавшись действовать на опережение. – Лучше скажите, как вас зовут?

– Хотите познакомиться? – хмыкнула женщина. – А-а-а, догадалась: он и вас бросил? Жаждете поплакаться, ищите родственную душу? Не дождетесь, утирать слезы не собираюсь.

– Сейчас же прекратите истерику, – огрызнулась Лиза. – Вашего мужа не знаю, и ни разу не видела. Есть проблема, которая может касаться и вас лично. Неужели трудно назвать свое имя?

– Татьяна, – захлопал нос на том конце провода.

– Уф, – выдохнула новая хозяйка яблоневого сада. Судя по письму, девочку никак не звали Татьяной. Там упоминалось детское ласковое имя, производное, скорее всего, от Василисы – Лисонька. Значит, письмо не принадлежит жене Каменева. Придется сделать следующий шаг. – Послушайте, я нашла на даче вещь, которая вероятнее всего принадлежит вашему мужу или его родственникам. Словом, дела сугубо семейные. Я сделаю так, как сочтете нужным. Вы можете сами позвонить Илье и попросить его связаться со мной. Или продиктуйте его телефон. Выбор за вами.

– Ни за что не буду ему звонить, потому что, ... потому что мы давно не общались, мы развелись, – неожиданно разоткровенничалась Татьяна. – Он сказал, что устал от меня, нашей семейной жизни. Вы замужем?

– Кто? Я? – вопрос прозвучал для Лизы неожиданно. – Вообще-то...

– Значит, поймете меня, – Татьяна даже не обратила внимания на то, что ей не ответили, словно продолжала разговаривать сама с собой. – Мы прожили 8 лет, и вдруг человек, которого я считала самым близким на свете, приходит и говорит, что время прошло впустую, что он со мной потерял себя, свою индивидуальность. Он потерял индивидуальность! Но ведь мужчина должен зарабатывать в семье, а не женщина. Разве не так? А Илья менял работу каждые полгода, все ему не нравилось, все не те начальники. Но если ты сам не начальник, значит, ты – подчиненный. Других вариантов нет, поэтому терпи. А он не хотел. Вот и получалось, что папу по сути одна я. Я заработала на машину и хорошую мебель, благодаря мне мы ездили каждое лето отдыхать на Средиземное море. И вот как он со мной поступил. Последние полгода стал просто невыносим. Он все время молчал. Ну, хоть бы накричал, объяснился. Нет, придет, завалится на диван и уткнется в детектив. Он, видите ли, устал, а я? Последней каплей стало то, что муж забыл про мой день рождения, я пришла с работы с букетами цветов, мне устроили настоящий фуршет, а Илья..., – бывшая жена перебирала давние обиды, словно... потертые старые четки.

Вот одно «зернышко» переместилось по шнурку слева направо, за ним следом другое.

Почему человек не может легко выбросить из головы обиды? Зачем все возвращается к ним и возвращается? Прокручивая ситуации в голове, придумывает реплики на незадаанные вопросы, вероятные ответы и диалоги. А может быть, с помощью многочисленного «повтора материала» человек оправдывается в собственных глазах, становится увереннее, сглаживает углы и, в конце концов, избавляется от проблемы? Своеобразная терапия методом самоанализа...

Лиза пожалела, что не выбрала профессию психотерапевта: по крайней мере, сейчас выслушивала бы проблему чьей-то несовместимости не бесплатно. Но перебивать не стала: Татьяне требовалось выплакаться. Минут через двадцать монолог, состоящий по большей части из всхлипов, вздохов и постоянно повторяющегося местоимения «он», иссяк. И Татьяна продиктовала мобильный телефон Ильи.

Правда, Лиза не стала тут же звонить Каменеву. Сегодня неприятное общение превысило допустимые нормы. Как бы не терзало душу присутствие на руках чужого письма, необходимо сделать передышку. Когда-то давно она изобрела собственное лекарство от моральной усталости, а сейчас ей требовался именно такой допинг. И Лиза, сев в машину, порулила к МКАД. Здесь есть несколько гигантских магазинов серии «Сад и огород». Очутившись среди знакомых с детства зеленых хвостиков, Лиза сразу забывала о посторонних проблемах и наслаждалась природной красотой, гуляя между разноцветными рядами. Но сегодня она решила наведаться сюда с определенной целью. Ассортимент цветов мог шокировать посетителей: наименований несколько сотен. Но Лиза ведь не подоконник собирается украшать или зимний сад высаживать, а хочет заниматься профессионально селекцией. Из выставленных в огромном зале образцов ей мало что могло подойти для работы. Если только не взять парочку горшков в качестве базового материала. Но и их она покупать не стала, лишь переписала в блокнот ценники. Вот когда появится своя оранжерея... Правда, с таким мастером как Владимир Владимирович сей счастливый момент может не настать вовсе. Ладно, разберусь с письмом, подумала Лиза, и позвоню Асе, наверняка, у нее есть другие строители. Из магазина Лиза заехала в клуб кактусоводов, договариваться о доставке редких сортов.

Но как не оттягивала неприятный момент, к вечеру опять оказалась перед телефонным аппаратом.

– Слушаю! – «невыносимый» (по словам бывшей жены) Каменев оказался обладателем приятного баритона.

– Меня зовут Елизавета. Я тот человек, который купил вашу дачу, – Лиза решила не объявлять сразу, что именно она нашла. Зачем ошарашивать Илью неприятными известиями? Нужно попытаться «зайти» мягко и издали. – Очень аккуратный и приятный домик... Ухоженный... А сад какой чудесный. Не поверите, но несколько дней назад в нем зацвели яблони! И сейчас там все в бело-розовых тонах... Но я, конечно, не про дом собиралась с вами поговорить. Дело в том, что... Вам знакомо имя Ольгушка?

На том конце провода не раздалось ни звука. Лиза даже подумала, может быть, связь прервалась и на всякий случай подула в трубку: – Ау, вы еще здесь?

– Да, да, – через какое-то время отозвался баритон. – Извините, но ваш вопрос прозвучал настолько неожиданно... Странно слышать родное имя от совершенно неизвестного человека.

– Значит, вы ее знаете! – Лиза, прижав трубку к плечу, победно вскинула вверх два кулачка: автор письма найден.

– Ольгушкой близкие люди зовут, – сделал паузу Каменев, – мою маму.

«Зовут, – отметила про себя Лиза. – Если бы женщины не было в живых, он употребил бы глагол в прошедшем времени. Неужели мать девочки жива? И они сумели встретиться и объ-

ясниться: мать и дочь? Какое счастье: у трагической истории оптимистический финал! Но... все же не мешает убедиться, что все именно так».

– Как... вы думаете, ваша мама сейчас дома? – ничего лучше не могла придумать Стражников.

– Да, мы общались по телефону пару часов назад.

«Ура! – обрадовалась Лиза. – Осталось только узнать, что стало с девочкой...»

– ... Илья ведь сын, – забывшись, тихо произнесла Лиза вслух, закончив предложение.

– Естественно, как вы догадливы, – рассмеялся Каменев, среагировав на реплику незнакомки.

Оказалось, что у него не только голос приятный, но и смеется он мило...

– А у вас... есть сестра? – напрямую спросила Лиза.

– Что за вопрос? Нет, и никогда не было. Я у мамы с папой один всю жизнь. Хотя думаю, что с сестрой жилось бы гораздо легче. Папа был очень суровым человеком и часто лупил меня ремнем, а будь рядом еще один ребенок, может быть...

– Вы на сто процентов уверены, – перебила собеседника Лиза, – что у вас нет сестры?

В воздухе вновь повисла долгая пауза.

Глава 5

МАЛЕНЬКИЙ с проплешинами чемоданчик смотрелся на натертом до зеркального блеска паркете как... старая разбитая чашка среди хрустальных бокалов. Таким же инородным телом чувствовала себя и Оля в огромном извивающемся коридоре, в котором девушка насчитала целых пять дверей. Пока пять, сколько там еще находилось за поворотом, она не знала.

– Объясняю по порядку, – начал экскурсию Павел. – Гостиная, моя комната, папин кабинет, комната домработницы Даши, кухня, спальня родителей. Дальше – ванная, туалет, кладовка, – и он махнул рукой в теряющееся вдали пространство. – Родители отбыли к новому месту службы, как я уже говорил, за ними отпросилась в отпуск и Дарья, к своим родственникам в деревню. Мы с ней договорились полюбовно: она кормит месяц моих рыбок, пока я отработываю практику, а потом уезжает и подольше оттуда не возвращается. Подумаешь: яичницу поджарить или гречневую кашу сварить я и сам смогу, зато лишние тетki перед глазами со своими наставлениями мелькать не будут. Рубашки, как и постельное белье, сдаю в прачечную. А чтобы с уборкой не морочиться, я все лишние комнаты закрыл на ключ. Кроме моей, гостиной – там телевизор, кухни и ванны с туалетом. Но этого нам выше крыши хватит. Согласна?

Оля молча кивнула головой.

– А теперь я покажу тебе самое дорогое в моей жизни. Поверь, подобной чести удостоивается редко кто из друзей, – схватив девушку за руку, Павел потянул ее в свою комнату.

И без лишних комментариев можно догадаться, кто считался главными обитателями 20-ти квадратных метров. Здесь стояли четыре внушительных размеров аквариума, а еще в несметном количестве банок и других стеклянных емкостях, которые занимали любое свободное место на письменном столе, прикроватной тумбочке, подоконнике, книжной полке и даже на крышке магнитофона, тоже молча плавали разноцветные рыбки.

– Моя мечта, – зажмурил глаза Павел, – объединить их всех в один гигантский бассейн. Сначала хотел сделать его в форме... кровати. Представляешь: откинул подушку, а под тобой чудища морские, еще подсветку можно сделать, чтобы эффект усилить. Но потом понял, что стекло не выдержит. Другой вариант – стена-аквариум. Рыбки плавают не по кругу, а вверх-вниз, классно! Но как чистить дно? Поэтому выбрал третий вариант: журнальный столик с широкой ножкой-трубой и столешницей из стекла. Емкость наполню водой, на дне соберу композицию Средиземного моря с гротами, останками древнегреческих статуй, потопленных кораблей. Запущу своих красавиц и накрою прозрачной крышкой. Сделаю подсветку и врублю музыку. Фантастика! Правда?

– Да-да, – отозвалась Оля. Если честно, она не вслушивалась в то, о чем говорил Павел, ее не интересовали меланхолично фланирующие рыбки. Она откровенно любовалась своим другом. Какой же он красивый, целеустремленный, уверенный в себе. Как ей повезло – не каждой девушке выпадает счастливый билет встретить такого парня...

– Что ж я все болтаю и болтаю? – Паша понял, что утомил подругу. – Пора заниматься твоим устройством. Топаем в гостиную.

– Какой у вас необычный телевизор! – первый раз за экскурсию не смогла скрыть своего удивления Оля. Внушительного объема агрегат под названием «Рубин» стоял на специальной тумбе.

– Цветной, – как бы, между прочим, заметил Павел. – Небось, никогда подобного не видела?

Павел нажал на тумблер, в телевизоре что-то затрещало, а потом во весь экран растянулась сетка их квадратов и цифр. Павел два раза крутанул ручкой, и появилась картинка: в ярких костюмах танцевали девушки из ансамбля «Березка».

– Папе по знакомству с завода прислали опытный образец. Пока в Москве их мало, только-только налаживают выпуск. Представляешь, я решил как-то сбежать с последней пары, прихожу домой, а тут, ха-ха, сеанс коллективного просмотра, – засмеялся хозяин квартиры. – Дарья привела товарок, таких же домработниц с других этажей, да дворников похвастаться чудом. Сидят тут кружком, молча пялятся в экран, где такие же народные танцы. Деревня! Нет, лучше всего по цветному телеку смотреть фигурное катание. Вот это картинка!

Что-то царапнуло Олю, какое-то слово, или... какая-то незнакомая интонация. Но подумать серьезно над этим она не успела, потому что в следующий момент Павел открыл шифоньер и плюхнул на диван комплект постельного белья и подушку с одеялом.

– Располагайся!

Оля взмахнула простыней. Расстелила ее на мягкой поверхности. Поправила края. Обернулась к двери: Павел стоял, сложив по наполеоновски руки на груди, облокотившись о косяк.

Девушка взбила подушку. Надела на нее наволочку, положила в изголовье. Павел уходит не собиравшись.

Оля накрыла диван еще одной простыней. На нее положила одеяло. Все, больше стелить нечего.

– Уже поздно, – неловко кашлянул за ее спиной Павел. – Ложись спать.

Оля, сжав губы, теребила складки на платье.

– Ну что же остановилась? – нетерпеливо настаивал парень. – Тебе не нравится диван?

– Нравится, – опустила голову Оля.

Она не знала, как поступить. Ее трясло от страха, она боялась повернуться. По идее нужно проявить девичье достоинство и прогнать наглеца за дверь, но как-то неудобно так поступать после всего того, что Павел для нее сделал. И потом, разве он наглец, разве не с ним она целовалась каждый вечер? Все так же, не оборачиваясь, Оля... расстегнула молнию на боку, ситцевое платье скользнуло по ногам. Павел молчал. Дальше на пол упала прозрачная белая комбинация.

Наконец, Павел шагнул к девушке, положил горячие ладони на ее голые плечи, крепко прижал к себе и горячо задышал в ухо: – Нет, здесь тебе будет неудобно, лучше ложись в моей комнате.

На вечернем отделении, куда Оля принесла документы, объяснили, что для зачисления необходимо представить справку с места работы и хотя бы временную прописку. Девушка, оформлявшая бумаги, посоветовала два варианта: либо устраиваться на завод – шарикоподшипниковый или ЗИЛ, там лимитчиков берут охотно и место в общежитии тут же дают. Правда, вкальвать придется по черному и на учебу времени не останется. Либо подаваться в дворники. Там тоже можно оформить временную прописку, в дальнейшем жилплощадь дадут, зарплата, конечно, поменьше, но график работы подходящий: отпахал утром и целый день свободен. На журфаке многие в дворники устраиваются. Оля послушала секретаршу и отправилась по ЖЭКам рядом с домом, где жил Павел, искать работу. Но как назло все вакансии в ближайших конторах оказались заняты. Свободное место удалось найти лишь в трех троллейбусных остановках дальше. Но выбирать не из чего. И Оля согласилась.

Теперь каждый день для нее начинался в 4 часа утра. Она готовила для Паши оладушки, блинчики или вареники (ну не может же мужик каждый день питаться яичницей), накрывала миску теплым одеялом, чтобы к тому времени, когда любимый встанет, завтрак не остыл, и – летела в свой двор. К сожалению, троллейбусы в столь ранний час еще спали, поэтому добираться до места приходилось на своих двоих. В 5.15 она яростно сгребала метлой сырые листья, окурки и конфетные фантики, обертки от мороженого. А через пару месяцев уже расшвыривала с дорожек липкий снег. После 12, как раз перед закрытием магазина на обед, Оля забегала в «Диету», набивала сетку молоком, колбасой, овощами, макаронами. Дома на скорую руку

готовила первое-второе (Паша придет из университета, ему надо поесть), стирала, убирала и торопилась на лекции. Возвращалась после десяти-одиннадцати и помогала «рыбковеду» мыть и чистить аквариумы.

Поначалу Оля быстро освоила новый распорядок жизни, даже научилась рано вставать, но постепенно стала ловить себя на том, что начинает засыпать каждую свободную минуту. Дремала в метро по дороге в университет и обратно, слушала лекции, словно в тумане, пропуская мимо ушей их смысл. Она еле доползала до воскресенья, когда ей полагался единственный выходной, и в этот день просыпалась с трудом, когда ее поднимал обиженный Павел, жаждущий прогулок на свежем воздухе или похода в кино.

– Давай сегодня никуда не пойдем, – ныла Оля, которой не хотелось вылезать из кровати. – Посмотрим телевизор, отдохнем.

– Ты что? Нужно съездить к магазину «Польская мода», там, в подземном переходе фарцовщики джинсы продают. Мои уже потерялись. стыдно ходить. И батник не плохо бы прикупить.

– Но это очень дорого! – всплеснула руками Оля, понимая, что зарплаты дворника и стипендии студента даже на одну штанину от спекулянтских джинсов не хватит.

– У меня есть деньги, – успокоил подругу Павел. – Папа марки коллекционирует, я взял из альбома одну и продал. На ближайшие полгода нам хватит. Не беспокойся. И тебе на колечко останется.

И вправду, в магазине «Польская мода» Паша купил Оле в отделе «Бижутерия» симпатичное колечко с маленьким камушком, похожим на рубин. Дешевое, конечно, но это же первый подарок! А значит, самый дорогой! И вообще, разве вы не знаете, что имеет в виду мужчина, когда дарит любимой девушке кольцо? Конечно, знаете, вот и Оля в книжках про то же читала.

Месяцы мелькали один за другим, календарь на стене так похудел, что до Нового года осталось буквально несколько страниц.

Павел предложил провести праздник дома, устроив торжественный ужин с шампанским. Сооружение «мечты» приближалось к финалу. И парень собирался продемонстрировать работу стола-аквариума любимой девушке как раз в новогоднюю ночь.

Оля старалась весь вечер. Резала овощи для винегрета и оливье, запекала в духовке утку с яблоками, мазала коржи вареным сгущенным молоком. За полчаса до боя курантов Павел торжественно усадил девушку в кресло, выключил люстру, нажал кнопку магнитофона и зажег подсветку в аквариуме.

– Смотри! – восхищенно прошептал он.

В столбе света, бьющего откуда-то снизу, парили похожие на разноцветные бабочки причудливые рыбки. Они молча заплывали в трюмы пиратских судов, из которых вывалились набитые «сокровищами» сундуки. Ощущение воды исчезло, длинные водоросли, словно деревья, покачивались «на ветру». Вдруг вверх потянулись цепочкой мелкие пузырьки: по дну шел, смешно передвигая ручками и ножками, радиоуправляемый человечек. Он был, конечно, в скафандре космонавта, но в данной композиции выглядел как настоящий водолаз. Павел долго прилаживал насос в ранец кукле.

– Здоровско получилось? – повернулся изобретатель к Оле.

Но девушка молчала. Свернувшись калачиком в мягком кресле, она сладко... дремала.

Павел зло сверкнул стеклами очков: «Соня, такой праздник испортила!» и ушел на кухню в одиночестве допивать шампанское: не пропускать же встречу Нового года из-за этой дурочки.

– Прости, прости меня, – плакала Оля на следующее утро, бегая за Павлом по комнатам.

– Мечта моей жизни, – кричал обиженный парень. – Я хотел, чтобы именно ты первая увидела ее, а ты специально задрыхла!

– Извини, последние дни выдались такими тяжелыми, столько снега выпало, его так тяжело чистить, – оправдывалась девушка. – Я очень устала, совсем не высыпаюсь. Давай сделаем вид, что вчерашнего вечера не было. И только сейчас ты мне решил показать аквариум.

И когда механический космонавт-водолаз вновь затопал своим маршрутом по дну, Павел подхватил девушку на руки, положил на кровать, лег рядом. Она долго целовала его длинные ресницы, брови, сжатые от обиды губы. Наконец, он простил ее и страстно ответил на поцелуй.

Сразу после новогодних праздников пришло время сессии. Паша с легкостью сдавал экзамены и зачеты. Он обладал феноменальной памятью. Лекции даже не конспектировал, в любой момент мог воспроизвести весь рассказанный преподавателем материал. А вот Оле пришлось туго: в выходные нужно было сидеть и зубрить. Она печатала на пишущей машинке реферат, и не успевала готовить обеды.

– Бросай все, – сказал однажды Павел, который как обычно расправился с сессией раньше других. – Мы идем в кино! Я достал билеты на «Ромео и Джульетту». Одевайся.

– Но у меня завтра экзамен, я не могу, – подняла тяжелую голову от учебника Оля.

– Ты отдаешь себе отчет в том, от чего отказываешься? – Павел посмотрел на девушку, словно на прокаженную. – Повторяю еще раз: это тот самый фильм великого Франко Дзефирелли, о котором трезвонит весь мир! Человек не может называть себя культурным, если не видел сего шедевра. И потом билеты мне обошлись очень дорого, как ты понимаешь – не в кассе их покупал.

– Я не могу! – решила впервые настоять на своем Оля, ей не хотелось провалить первую в жизни сессию.

– Хорошо, – с неожиданной легкостью согласился Павел. – Тогда пойду с кем-нибудь другим, кто понимает меня лучше тебя. Надеюсь, не обидишься?

– Нет, конечно, какие обиды, – пожал плечами Оля, ей хотелось казаться равнодушной, хотя на душе сейчас разом скребли дюжина кошек. Может быть, пойти с любимым в кино, а оставшийся материал ночью дочитать? Нет, до утра не успеет...

– Я приглашу, – подумав мгновение, решил Павел, – свою однокурсницу Ларису.

Он набрал нужный телефон. Даже стоящая рядом Оля услышала, как на том конце провода завизжала от восторга Лариса, узнав, КУДА ее приглашают.

– Пока, – махнул рукой Павел. – Успешной сдачи.

Увы, но ни этот экзамен, ради которого она не посмотрела фильм «Ромео и Джульетта» (кстати, Павел даже отказался рассказать о картине, когда пришел поздно вечером домой и демонстративно лег спать, повернувшись к Оле спиной), ни следующий девушка не сдала. Она поняла, что вся сессия ушла в «хвосты». И если она с ними не справится, то прощай журфак.

Как-то Оля сидела на кухне и тихо плакала.

– По поводу чего рев? – осведомился Павел.

– У меня ничего не получается. Я так стараюсь, а ты не можешь даже мне помочь!

– Дорогая, – холодно заметил юноша. – Ты так изменилась. Куда делась та веселая, самоуверенная девушка из поезда? Ты превратилась в хлюпика, вечно жалуешься. И как, скажи на милость, я должен тебе помогать: чистить снег по утрам? Да, ты стираешь, готовишь, пылесосишь. Извини, но ты ведь живешь в шикарной московской квартире бесплатно. Другой потребовал бы с тебя денег, а я ничего не прошу. Сделай человеку доброе дело, так он готов на шею сесть. Прекрати ныть, иначе мы расстанемся.

Утром Оля убежала на работу, оставив рядом с кастрюлькой с вареной картошкой записку: «Не злись. Я расстроилась из-за учебы. И решила бросить университет. Лучше найду другую работу, нормальную и мы будем больше проводить времени вместе». В обед она как обычно прибежала с авоськой, в которой позвякивали бутылки молока. Хотела открыть дверь, но обнаружила, что в кармане нет ключа. Неужели потеряла? И Оля стала звонить в дверь:

сегодня суббота, Павел должен быть дома, в это время он только-только просыпается. И лишь тут она обратила внимание, что справа от двери стоит ее маленький потертый чемоданчик. Под хлястик замка вставлен конверт. Оля достала записку, села на лестницу и прочитала: «Не ищи ключ, я забрал его. Жить здесь ты больше не сможешь. Папа с мамой письмо прислали, возвращаются. Им квартирантка не понравится. Тем более что и Дарья на днях приезжает. Я собрал твои вещи. Не приходи сюда больше и не звони, меня все равно не будет, Лариса пригласила пожить у них на даче. Прощай, надеюсь, ты сможешь найти себя в жизни. Жаль, сразу не понял, что мы не подходим друг другу. Павел».

Оля вскочила со ступеньки, подлетела к закрытой двери и что было силы начала колотить по деревянной фрамуге руками и ногами, и звонить, звонить в звонок.

Но тот лишь отвечал гулким эхом в пустых коридорах огромной квартиры.

Глава 6

ИЛЬЯ потребовал, чтобы Лиза не ходила вокруг да около, а рассказала напрямую о цели своего звонка. Услышав историю про найденное под старой газетой письмо, Каменев захотел увидеть документ сам.

– После смерти отца мама часто хворает. Живет на таблетках. Лишние переживания ей ни к чему. Поэтому сначала хочу убедиться, что письмо принадлежит именно ей. Вдруг какая-то ошибка? Мы можем с вами где-нибудь пересечься?

Нет проблем, согласилась Лиза. Только надо придумать, где назначить встречу. У себя в московской квартире – нонсенс, они ведь вообще незнакомы, а домашняя обстановка, хочешь – не хочешь, предполагает пусть незначительное, но общение, придется думать, что надевать, не в халате же мужика принимать; чем угощать. Нет, такой вариант ей не подходит, сразу станет похоже на то, что «одинокая женщина желает познакомиться». Может, выбрать какое-нибудь кафе? Но тогда точно будет выглядеть как свидание, а они – «запомни, запомни это» – совершенно не-зна-ко-мы-е друг другу люди. А если... на даче? Встреча в только что купленном пустом доме ни к чему не обязывает, там даже чай не на чем вскипятить. Да и за письмом в любом случае придется туда ехать, потому что она оставила конверт, где нашла: под клеенкой на кухонном столе. Чужие несчастья притягивают, помнила она вычитанную где-то примету, поэтому не хотела возить находку с собой.

– Да, жду вас на даче, – приняла решение Лиза. – Сейчас объясню, как добираться.

– Вообще-то я в курсе, – заметил Илья. – Если помните, дом раньше принадлежал мне.

– Ой, конечно, – смутилась Лиза и топнула от обиды ногой: ну вот, сморозила глупость.

Что подумает Илья об ее интеллектуальных способностях?

А с другой стороны, какая разница, что подумает, ведь он приедет на пару минут, заберет письмо и исчезнет из ее жизни. Навсегда.

Хотя... жаль, Каменев так приятно смеется...

Нет, всё, всё, всё! Надо переключиться на что-нибудь другое. Тем более что бывший владелец дачи может оказаться в реальности и вовсе – маленьким, толстеньким и лысым!

Илья привычно распахнул калитку, вошел, потом понял, что оплошал и вновь шагнул на улицу. И уже тогда громко постучал. Лиза вынырнула из глубины белоснежного сада – она возилась рядом с сараем – и с любопытством оглядела гостя: приятно осознавать, что ошиблась. Каменев оказался вовсе не толстым и лысым, а высоким и симпатичным мужчиной с копной густых черных волос. Идя за Лизой по дорожке, мужчина то и дело останавливался около какого-нибудь дерева и пристально его разглядывал.

– Я помню дачу с детства, – объяснил он свое настроение. – Каждые летние каникулы «от звонка до звонка». Вот, например, – и он показал на очередную зеленую макушку, – очень знаменитый клен. Однажды утром, мне было лет шесть, я влез на самую вершину и спрятался в листве. Меня начали искать. Я смотрел сверху, как бегают по саду мама и папа, как зовут меня, и хихикал от удовольствия. Отчаявшись, несчастные родители вызвали милицию. Вот тогда мне стало страшно. Был уверен: если слезу, заберут в кутузку! Так и просидел до вечера, хотя очень хотелось в туалет. Но, скрипя зубами, терпел, потому что милиции боялся больше.

– И когда же вы покинули убежище?

– Ночью, тихо. Думал, прокрадусь в свою кровать и сделаю вид, что все время спал. Но мама с папой увидели. Какой был скандал. Как меня тогда папа ремнем отходил! На всю жизнь запомнил. И как мама плакала. Больше никогда с родителями не шутил. А здесь – снова улыбнулся Илья, вспоминая другую историю, – мама каждый год сажала огурцы. Покупала

дорогие семена у каких-то заезжих прохиндеев, как они утверждали, элитных морозоустойчивых сортов. И каждый год огурцы благополучно замерзали!

– Мне кажется, вы так любите этот дом?

Илья утвердительно улыбнулся.

– Тогда не понимаю, почему продали, – удивилась Лиза.

– Я пол года назад... развелся с женой. Мне потребовались деньги, чтобы купить квартиру в Москве. А с другой стороны,... здесь последнее время было немногочисленно. Мама не приезжала. Она уже достаточно пожилой человек, ей нелегко ухаживать за садом. Поэтому дом большую часть года пустовал. А вы... задумали снести сарай? – каким-то образом они оказались «на окраине» участка.

Лиза не ожидала подвоха от прораба Наливайко и поэтому еще до встречи с ним заказала на фирме стекло определенного размера для крыши и окон, деревянные рамы, доски. Как раз сегодня она сняла с петель старую дверь – рамы иначе не входили, прислонила ее к стене и решила перенести материалы внутрь, чтобы их не испортил неожиданный дождь. До тех пор, пока Ася не найдет достойную замену горе-строителю. Лиза открыла ящики, вытряхнула из них пенопластовые прокладки и солому. И вся эта мишура сейчас клочками металась по земле.

– Давно мечтаю о настоящей оранжерее, – не стала Стражникова скрывать своих замыслов.

– Поэтому столько стекла?

– Еще не все привезли. Ведь стеклянной должна быть не только крыша, но и часть стен, чтобы как можно больше солнца попадало внутрь.

– Прозрачная крыша? – задумался Илья. – Мне кажется, вы поспешили с таким решением. Зимой ее покроет толстым слоем снег, сбросить который вы не сумеете. Не будете же ходить по стеклу. А если снега выпадет очень много, есть риск, настил может не выдержать и рухнет. Да и отапливать подобное помещение сложно и дорого.

Каменев вынул из сумки блокнот, ручку и размашистыми линиями набросал симпатичный одноэтажный домик с большим окном, с другой стороны от входа разместился миниатюрный эркер.

– Зимой растениям вполне хватит солнца от окна, – стал объяснять свой чертеж гость. – Под ним поставите электробатарею. А ранней весной что-то перенесете в эркер. Чтобы сохранить тепло в основном помещении, сделаете дверь в пристройку из кусков мягкого пластика, сейчас продают такой. Вот эркер можно полностью собрать из стекла. С крышей в форме пирамидки. Тогда снег сам скатится.

– Вы – строитель? – в глазах Лизы загорелся свет надежды.

– Нет, я работаю фоторедактором в журнале, – Каменев вырвал листок из блокнота и протянул набросок Лизе. – Только раньше с отцом мы тут много хозяйством занимались. За домом ведь нужно постоянно следить: перестилать крышу, заделывать щели, менять трубы. Я уж не говорю про забор, который приходилось каждый год чинить. Между прочим, сарай этот я сам построил.

– Ну, тогда нужен еще один ваш совет, – Лиза подошла к раскрытому ящику и стала доставать кусок стекла. – Я не знала, какую толщину заказывать.

– Подождите, осторожнее, – кинулся к ней Илья.

Но – поздно. Лиза не удержала стекло, оно скользнуло обратно, прочертив тонкую полоску на запястье. Из поврежденной руки моментально хлынула кровь!

– Прижмите рану пальцами другой руки, – крикнул мужчина, резким движением отрывая от рубахи кусок материи.

Он свернул ткань в жгут и перетянул рану. Но она оказалась слишком глубокой, кровь продолжала толчками вырываться наружу.

– Где ключ от вашей машины? – Илья вспомнил, что видел припаркованный у крыльца «Пежо».

Испуганная Лиза, держа обе руки на весу, показала глазами на правый карман своих джинсов. Илья достал ключ, распахнул ворота, потом завел мотор. Лиза боком протиснулась на сиденье.

– Вызывать «скорую» – время потеряем, – объяснил Илья, вырвав на проселочную дорогу, оттуда на шоссе. – Здесь больница районная в пяти минутах езды.

Лиза сидела в машине и... ничего не чувствовала. Ни боли, ни страха. Может, не нужно было так суетиться и подождать, пока кровь сама остановится? Она посмотрела на свою руку, оказывается, красной стала уже не только ее белая футболка, но и голубые джинсы постепенно наливались темно красным цветом. И, когда она увидела, что превращается в одно большое красное пятно, ее вдруг замутило, и Лиза... закричала от испуга.

– Милая моя, хорошая, потерпите чуть-чуть, – Илье самому стало страшно: вдруг он не успеет, и женщина погибнет.

Каменев что есть силы жал на педаль газа. Наконец, они влетели в ворота больницы, дальше, уже бегом – в хирургическое отделение, в операционную.

Еще через полчаса Лиза с забинтованной рукой и Илья в разорванной рубашке успокоенные сидели в кабинете хирурга. Врач справился с задачей профессионально: наложил несколько швов, «заштопав» поврежденную вену. А сейчас ему требовалось «зафиксировать происшествие» в журнале.

– Имя, фамилия, отчество, место проживания, – медик вопросительно посмотрел на Лизу.

– Елизавета Григорьевна Стражникова, – представилась прооперированная и назвала адрес дачи.

– Ну, рассказывайте, – хирург отложил ручку и приготовился слушать.

– Что рассказывать? – переспросила женщина.

– Почему решили покончить жизнь самоубийством?

– Что-о-о??? – Лиза от негодования даже соскочила со стула. – Произошел банальный несчастный случай. Я порезалась стеклом.

– Больная, сядьте, – прикрикнул на посетительницу врач. – Вы не первая у меня и не последняя. Таковых через этот кабинет прошли сотни.

– Я здесь впервые, – взвизгнула Лиза, но все же села на стул.

– Каждая из вас, – продолжал вещать эскулап, – придумывает красивую историю: то с лестницы упала, то стеклом порезалась. Хотите, чтобы я рассказал, как все произошло на самом деле? Пожалуйста. Вы в очередной раз поругались с мужем, подрались, разорвали ему рубашку, – и хирург кивнул в сторону Ильи. Илья в недоумении уставился на свой оголенный живот. – Потом схватили нож и маханули себе по венам.

– Скажите, я сплю? – прошептала Лиза, повернувшись к Каменеву.

– Итак, граждане, – хирург даже привстал над столом, чтобы придать моменту нужный эффект, – согласно закону Российской Федерации, я обязан сообщить о происшествии в милицию. Чтобы органы правопорядка приняли меры. Ну, а последствия вы знаете: на работу мужу придет бумага, еще и уволить могут за аморалку. Вам это надо? – последнее предложение из монолога прозвучало уже не зловеще, а как-то заискивающе.

– Я ничего не понимаю, – глаза Лизы наполнились слезами. – Кино какое-то!

– Все ясно, гражданин хирург, – Каменев решительно встал со стула и обернулся к Лизе: – Елизавета Григорьевна, подождите меня в машине.

Лиза молча вышла из кабинета и села в «Пежо». Минут через десять к ней присоединился Илья.

– Ну, как рука? – спросил он участливо.

– С ней все в порядке, а что с хирургом? – Лиза так и не поняла смысла перепалки в медицинском кабинете.

– Судя по поведению, наш медик до недавнего времени работал в другом отделении, скорее всего психиатрическом, – объяснил Илья, выводя машину из больничного двора. – И поэтому намного отстал от жизни. Да, в советское время нарушителям общественного порядка писали письма на работу, могли уволить за аморалку. Сегодня никто никому ничего не пишет. Единственно, что верно, о случае суицида он обязан сообщить в милицию. Но... мы сошлись в цене и расстались друзьями.

Илья повернулся к Лизе и... вдруг расхохотался.

– Что вас так развеселило? – Лиза даже обиделась. Оказавшись в машине одна, она мгновение назад вдруг поняла, что могла ведь и умереть.

– А хирург прав – у нас и вправду вид, как у подравшихся супругов. У вас такое воинственно-испуганное лицо, а у меня рубаха разодрана в клочья.

Лиза посмотрела на сидящего рядом мужчину и... тоже рассмеялась. Парочка из них получилась достойная.

Хорошо, что, отправляясь утром на дачу, Лиза захватила «рабочую пару», в которой и перебирала доски. Теперь она смогла, смыв в душе кровь, переодеться. А вот Илье пришлось остаться в обгрызенной рубахе. Можно ее, конечно, снять. Но мужчина с голым торсом будет так же нелепо смотреться в электричке, а Каменев приехал сюда именно на ней, как и в «неполноценной» рубахе. И Лиза предложила довести гостя и своего теперь уже спасителя прямо до дома на «Пежо».

– Извините, не знала, что у вас нет машины, – они сидели на крыльце и по очереди пили воду из одной пластиковой бутылки. – Иначе не назначила бы встречу за городом.

– Машину покупала жена, поэтому после развода автомобиль остался у нее, – признался Илья. – Но, во-первых, думаю взять в ближайшее время кредит и обзавестись личным транспортом, а во-вторых, рад, что встретился со своим старым домом. Если честно, я скучал по яблоневому саду, он иногда даже снится мне. Ну, а в-третьих, – Илья как-то очень внимательно посмотрел на Лизу, – вы... мне..., – слова как назло перепутались в голове. И чтобы не выглядеть по-идиотски, он сделал большой глоток воды.

– Ну а в-третьих, – поняла по-своему неоконченную фразу Лиза, – я должна, наконец, отдать вам письмо.

И Лиза принесла из кухни старый конверт с синими полосками.

Илья несколько раз про себя прочитал грустные строки, потом достал из кармана мобильный телефон и набрал номер.

– Алло, Ольгушка, привет, – он старался, чтобы голос его выглядел обыденно. – Чем занимаешься? А... А.. Да... Да, у меня тоже все в порядке.

Лиза поймала себя на мысли, что ей очень нравится Илья: ее приятно удивило, как бережно разговаривал мужчина с матерью. Такие люди умеют быть преданными друзьями. Странно, что семейные отношения у него не сложились. Интересно, а сейчас он один?...

Ну, что за глупые мысли лезут в голову в такой ответственный момент, – одернула себя Лиза. Ведь история приблизилась к кульминационной развязке: признается Ольгушка сыну, что бросила когда-то свое другое дитя или нет?

– Мам, тут такое дело, – Каменев понял, что уже можно переходить к сути, – помнишь на дачной кухне старый стол? Да... Оказывается мы его не выбросили. Так вот Лиза... Кто такая Лиза? Это имя женщины, которая купила наш дом. Она нашла под клеенкой конверт. Не знаю, кому он принадлежит, на нем нет адреса, – на всякий случай сказал Илья. – В письме речь идет о девочке... Как думаешь, кто мог...

– ...Значит, оно все-таки нашлось! – тихо перебила сына Ольга Петровна.

Глава 7

ПОЖИЛАЯ дворничиха Люба любила порядок. И сейчас, увидев, как неаккуратно сложили ее коллеги по «уличному цеху» скребки и метлы, а точнее, торопясь домой, побросали все в одну кучу, – женщина, охая при каждом наклоне (радикулит – профессиональное заболевание дворников), стала раскладывать инвентарь по разным углам хозблока. Но боль в спине неожиданно так скрутила, что Любе пришлось присесть на стоящий рядом табурет и прислониться к стене. Придется подождать, пока не отпустит. Иначе до дома не дойти.

На улице потихоньку темнело. И в дворницкой предметы потеряли свои очертания, но у Любы нет сил встать и включить свет. Неожиданно в замочной скважине повернулся ключ, хлопнула, открываясь, дверь. Послышались шаги, чья-то тень проскользнула в дальний угол. Люба замерла: что еще за привидение? Воров она не боялась, ну чем тут поживиться: лишней метлой? Вот какой-нибудь алкаш, которого жена из дома выгнала, вполне мог забраться, надеясь перекантоваться ночь. Комнатенка не отапливается, но поклонников бутылки холод не пугает. Чиркнула спичка, и в пламени разгорающейся свечи Люба увидела знакомое лицо. Это была Оля – самая младшая из их разновозрастной бригады. Теперь понятно, почему девушка легко вошла: у каждого дворника ЖЭКа есть ключ от пристройки. Оля между тем поставила на стол принесенную с собой авоську и по очереди доставала продукты: «треугольник» молока, батон хлеба, докторскую колбасу, яйца. Включила электроплитку, поставила сковородку, бросила на нее кусок сливочного масла.

– Оля, – окликнула нежданную посетительницу Люба.

– Ой, кто тут? – вскрикнула девушка, и расколотое яйцо, которое должно было стать яичницей, вместе со скорлупой плюхнулось на сковороду.

– Да я это, Люба, – дворничиха оттолкнулась от стены и встала. – Разбирала инвентарь, но спину вот прихватило, сидела, ждала, когда полегчает. А ты никак ужинать собралась?

– Садитесь поближе, сейчас и чайник вскипятим, – успокоилась Оля. С Любой они, можно сказать, дружили. Добрая женщина подарила зимой девушке пуховой платок, чтобы уши на холоде не мерзли, когда по утрам снег приходилось расчищать.

– А чего домой не идешь, к своему студенту? – Люба знала историю про счастливую встречу в поезде.

– Я тут уже вторую неделю живу, – Оля нервно скребла ложкой по сковородке.

– Тут? Так холодно ведь! – возмутилась пожилая женщина.

– Совсем нет, – стала оправдываться девушка. – Есть пара тулупов и валенки, вполне хватает. Да и потом скоро лето. Начальница поставила в очередь: как только комната какая освободится, ее мне обещали.

– А жених в курсе, где обитаешь? Или поругались?

И вдруг Оля, уткнувшись в плечо Любы, горько зарыдала. Она две недели не плакала, слово себе дала больше мокроту не разводить, и терпела, но тут настойчивость старшей подруги сломала стену, и девушка не могла больше сдерживаться.

– Девочка моя, что ж так убиваться? Ну, ладно, поплачь, поплачь, потом расскажешь.

Оля села на табурет и обхватила голову руками. Люба погладила ее как ребенка по голове и поторопилась на импровизированную кухню. Нужно срочно снять сковородку с плитки, пережаренная яичница начинала дымиться. Люба сложила обратно в авоську продукты: молоко, колбасу, хлеб. Увидела в углу старый потертый чемоданчик, подхватила его под мышку и направилась к двери.

– Как успокоишься, – обернулась она к Оле, – приходи. Я в пятом доме на первом этаже живу. Комната небольшая – 15 метров. Зато есть раскладушка для гостей. Все лучше, чем

под тулупами спать. Да не тяни, – предупредила «сурово» дворничиха. – Яишня твоя сгорела, а у меня на ужин картошечка с селедочкой. Опоздаешь – все съем, тебе не достанется.

Оля по-прежнему каждое утро вскакивала в 4 утра, объяснив Любе, что, мол, привыкла и просыпается на автомате. Умывалась, пока остальные соседи по коммуналке досматривали сны, и тщательно мела свой участок. Потом летела в знакомый двор и, встав под деревом, всматривалась в родные окна седьмого этажа. Она представляла, что в этот час может происходить. Вот, например, сейчас Паша, наверное, ищет рукой будильник, чтобы выключить проклятый «генератор звука». Потом поворачивается на другой бок, лежит еще «минутку, другую», затем вздыхает и нащупывает на тумбочке зеленый пластмассовый футляр. Достает очки и, водрузив стекла себе на нос, торжественно хрипит: «Ну, здравствуй новый день! Здравствуйте все!» Именно так он просыпался каждое воскресенье, когда Оля лежала рядом с ним. А «здравствуйте все» относилось к ней и к рыбкам. Сейчас (она надеялась) только к рыбкам.

Оля стояла под окнами и ждала, когда Павел выйдет из подъезда. Пристроившись чуть поодаль, ровно 10 минут она шла за ним до метро. Целых 10 минут – утром и столько же вечером, когда он в одно и то же время возвращался домой. Эти 20 минут принадлежали только ей. Прохожие, которые иногда встречали между парнем и девушкой, не мешали. Паша высокий, его прямую спину не возможно потерять из виду.

Оля мечтала, что однажды он остановится, почувствует, что она рядом – говорят, влюбленные ощущают друг друга на расстоянии, – и обернется. Подойдет к ней. Обхватит за плечи и заглянет в глаза. Она молча протянет ему конверт, в котором лежит листочек, вырванный из школьной тетрадки. На листочке – 12 строчек, написанных от руки. Ее стихи.

*Я сгораю, высыхаю, растворяюсь, опадаю.
Я крошусь, я разбиваюсь, истончаюсь, измельчаюсь.
Я прошу – меня не просят. Я кричу – меня не слышат.
Я зову – проходят мимо. **Нет надежды. И не будет**
Я теряюсь, осыпаюсь, распадаюсь, расплавляюсь.
Я болею, я страдаю, я старею, облетаю.
Я ищу – меня не ищут. Плачу я – не пожалеют.
Слезы лью – не замечают. **Нет мечты. Ее не будет.**
Я краснею, я пылаю, я блею, замерзаю.
Я горю, я леденею, стекленею, холодею.
Я люблю – меня не любят. Каменею – нет, не видят.
Рассыпаюсь – и не вспомнят. **Нет любви. Ее не будет.***

Она написала стихи в тот день, когда они с Пашей так глупо, так бездумно расстались, даже толком не поговорили. Он прочтет 12 строчек, всего 12, поймет как ей плохо и...

Но дни пробегали один за другим, а он не оборачивался.

Оля ненавидела выходные: когда Паша не ходил в институт. И поэтому она лишалась своих страстных, томительных 20-ти минут. Она пыталась себя чем-то занять, помогала Любе по хозяйству: ездила на рынок, варила борщ, стирала, иногда дворничиха выгоняла девушку в кино, пару раз даже в театр, у них на работе распределяли билеты. Но где бы не была Оля в воскресенье, что бы не делала, в ее голове постоянно шелкал счетчик, отсчитывающий часы, оставшиеся до понедельника. Люди называют понедельник тяжелым. Глупые, они ничего не понимают в понедельниках. Наоборот, именно он самый счастливый день недели. День, который дарит надежду. Оля вновь видела прямую спину Паши впереди и чувствовала себя счастливой. Пусть всего 20 минут, но ей хватало и такой малости.

И однажды ЭТО ПРОИЗОШЛО.

Павел остановился, обернулся и зашагал напрямик к ней. Она замерла и дрожащими руками держалась в кармане за конверт.

– Ты шпионишь за мной? – раздался рядом любимый голос. Голос, который она так жаждала услышать.

– Паша, – выдохнула родное имя Оля, но... уперлась в незнакомый ледяной взгляд.

– Что ты задумала? Говори, – он обхватил ее за плечи, так как она и мечтала, но только почему-то было невероятно больно.

– Я хочу помириться. Мне плохо. Я не могу жить без тебя, – тараторила она слова, которые повторяла каждую ночь, уткнувшись в подушку. Может быть, ледяной взгляд – случайность?

– Нечего нам мириться, – жестко прорычал Паша. – И вообще, я жениться собрался. Родители настаивают. Им опять за границу предлагают ехать. И сильно мешает в анкете пункт про взрослого неженатого сына. Но не тебя же в загс вести, – вдруг захохотал Паша, наконец, отпустив ее плечи. – Ты – дворничиха, наличие такой родственницы не украсит семью дипломатов. Поэтому я Лариску выбрал. Ты сама виновата, – хмыкнул парень. – Помнишь, я с ней в кино ходил, когда ты в очередной раз ныла. Так что не бегай за мной с видом побитой собачки. Я – не герой твоего романа.

У Оли вдруг закружилась голова, и девушка невольно прислонилась к дереву. Мысли путались в голове. Что за странная метаморфоза? Перед ней стоял тот самый Павел, ошибки нет: именно с ним она познакомилась в поезде, потом они встретились на Калининском проспекте и долго гуляли по Москве, милый и веселый парень, который в незабываемые минуты близости проявлял к ней необъятное море нежности и теплоты. Но откуда в его словах столько злобы?

– Давай, сядем на скамейку, – Павел увидел неестественную бледность девушки и буквально силой притянул на лавку.

– Я ничего не понимаю, – откровенно сказала Оля. – Не узнаю тебя!

– Испугалась?! – вдруг улыбнулся Павел.

– Так ты пошутил? – вздрогнула девушка. – И про женитьбу выдумал? Догадалась: ты меня проверял? Таким садистским способом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.